
Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-101-106

ИСТОРИЯ КАК СПОСОБ ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. АРМЫ «ДОРОГА ДОМОЙ»)

Елена Нартшаевна Бетуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© Е.Н. Бетуганова, 2021

Аннотация. Во второй половине 1980-х – начала 1990-х гг., а затем и в постсоветский период литература претерпевает трансформации, связанные с изменениями в социально-политической жизни России. Отсюда возникает потребность общества в знании отечественной истории. В анализе нуждается тенденция к переосмыслению проблем «человек и время». При кажущейся разработанности темы она не потеряла своей актуальности. Главная цель статьи – рассмотреть пути художественной реализации темы «человек и время». Через историческую аксиологию осуществляется развитие представлений о национальных идеалах. Приобщение к истории открывает возможность проникнуть во внутренний мир адыгов периода Кавказской войны. В статье реконструируются менталитет, ценностно-нормативные установки война времен Кавказской войны; делается акцент на том, что менталитет адыга был обусловлен в первую очередь национально-культурной традицией, развивался из нее, по возможности сохраняя формулы идентификационного начала. Этика и эстетика адыгского народа была построена на оппозициях: «жизнь-смерть», «слава-позор», «свобода-рабство», «героизм-трусость». При всем высоком развитии индивидуального начала в поведении, личность воина-адыга обретала социально-значимый статус в зависимости от того, насколько общественно важным было его отношение к Родине.

Ключевые слова: человек, время, воин, национально-культурная традиция, менталитет

Для цитирования: Бетуганова Е.Н. Образ воина в романе Д. Армы «Дорога домой» // Вестник КБИГИ. 2021 № 4-1 (51). С. 101–106. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-101-106

Original article

HISTORY AS A WAY OF ETHNOIDENTIFICATION (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY D. ARMA “THE WAY HOME”)

Elena N. Betuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© E.N. Betuganova, 2021

Abstract. In the second half of the 1980s – early 1990s, and then in the post-Soviet period, literature undergoes transformations associated with changes in the socio-political life of Russia. Hence the need of society for knowledge of Russian history arises. The tendency to rethink the problems of “man and time” needs analysis. Despite the apparent

elaboration of the topic, it has not lost its relevance. The main purpose of the article is to consider the ways of artistic realization of the theme “man and time”. The development of ideas about national ideals is carried out through historical axiology. An introduction to history opens up an opportunity to penetrate into the inner world of the Circassians of the period of the Caucasian War. The article reconstructs the mentality, value-normative attitudes of a warrior during the Caucasian War. The article focuses on the fact that the mentality of the Adyghe was primarily due to the national-cultural tradition, developed from it, preserving the formulas of the identification principle, if possible. The ethics and aesthetics of the Adyghe people were built on the oppositions: “life-death”, “glory-shame”, “freedom-slavery”, “heroism-cowardice”. With all the high development of the individual beginning in behavior, the personality of the Adyghe warrior acquired a socially significant status depending on how socially important his attitude to the Motherland was.

Keywords: man, time, warrior, national and cultural tradition, mentality

For citation: Betuganova E.N. The image of a warrior in D. Arma’s novel “The Road to Home”. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2021. № 4-1 (51): 101–106. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-101-106

Стремительные изменения в мире в конце XX – начале XXI века, связанные в первую очередь с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, резко обострили проблему национальной идентичности. Ведущей чертой современной литературы стало пробуждение национального чувства, как защитная реакция на глобализацию, нивелирование национального компонента. Обновленческие процессы в стране выявили возрастающую роль и значение «национального вопроса» во всем комплексе составляющих его параметров (национальное самосознание, национальное своеобразие, проблемы языка, истории). В литературе стали актуальны вопросы: что такое национальная идентичность и национальный характер, как их защитить от нивелирующих все и вся глобальных процессов, где их корни и источники. Стремление сохранить «этнокультурную самобытность» усилило интерес литературы к национальным истокам. Писатели выявляют, анализируют, вводят в художественную практику богатый материал по этнографии адыгов. В подавляющем большинстве текстов современных авторов наблюдается тяготение к детализированным характеристикам этнографического быта, воспроизведению обычаев и традиций; связано это с необходимостью сохранения бытующих в этносреде традиционных моделей поведенческой этики, императивов и адатных воззрений; с этой целью в художественную практику вводится материал по истории, культуре, фольклорному наследию народа.

Действенным способом проявления этноидентичности в романе «Возвращение домой» является обращение к истории народа, через аксиологию которой в романе осуществляется развитие представлений о национальных идеалах.

Дина Арма пытается ответить на вопрос, что побуждало воина «противостоять многократно превосходящим силам противника, предпочитая героическую смерть выгодам мирного подчинения».

Так, начало повествования открывает притча о происхождении народа адыге, которых сотворил творец вездесущий и назвал их «детьми солнца». Солнце у адыгов – один из сакральных символов. Автор подчеркивает, что менталитет адыга был обусловлен в первую очередь национально-культурной традицией, развивался из нее, по возможности сохраняя формулы идентификационного начала [Betuganova, Uzdenova, etc. 2019: 667]. Неслучайно адыги любили повторять: «Мы [наши] предки солнечно-лунного происхождения» [Бгажноков 1983: 105]. С характером этноса, – отмечает Ю.В. Бромлей, – неразрывно связана типичная для его членов система побуждений – совокупность их потребностей, интересов, ценностных установок, убеждений, идеалов» [Бромлей 1983: 152]. Адыги, опирались в первую очередь на силу общественного мнения. В XIX веке на Северном Кавказе, если следовать общепринятым понятиям, государственность отсутствовала. Однако господствовавшие здесь порядки и образ жизни населения

свидетельствуют о том, что люди, несмотря на это, чувствовали себя более защищенными, чем в других государственных образованиях. Все дело было в уникальной системе управления. Население не было обременено налогами, у него не было ни регулярной армии, ни прокуроров, ни заключенных. Полиция и тюрьмы отсутствовали. Они сами определяли границы своей свободы и своих прав. Подобные правила поведения формировались на протяжении столетий и приобрели со временем характер неписаных законов, обязательных для всего населения и безусловно соблюдаемых. Отсюда проистекали и отсутствие во все времена на Северном Кавказе такого общественного устройства, при котором власть была бы сосредоточена в руках какой-либо социальной группы, способной к ограничению свободы людей. Никто никому не навязывал соблюдения каких-либо законов, люди каждый поступок соизмеряли в соответствии с традициями, правами и обычаями своего народа. Именно поэтому подобная социальная среда формировала людей, смыслом жизни которых становилось сохранение чести и свободы.

«Сила народа в могучем дубе, который почитается священным в священной роще», – пишет автор [Арма 2009: 224]. В адыгской мифологии священными или «божьиими деревьями» могли быть различные деревья (Тхьэ чьыг), но особенно выделялся дуб. Сакральным предметом оказывалось практически любое дерево. То, что у адыгов из всех деревьев чаще всего сакрализуется дуб, было связано с ментальностью народа, уникальностью и самобытностью, особенностями образа жизни и «...культивированием качеств стойкости, мужества, необходимости постоянно защищать свою землю» [Кудаева 2008: 33]. «Любовь к Родине для горца была священна. Родину воин-адыг расценивал не просто, как землю, это было место, где родились, выросли и умерли предки. Могилы предков считались священными. Отдать землю врагу означало утратить память, корни. Тем более, у адыгов, традиционно преклонявшихся перед старшим поколением, еще большим почитанием в рамках культа предков была окружена память ушедших из жизни. «В характере черкесов, – отмечал Дж. Лонгворт, – нет, пожалуй, черты более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших – о бедных останках мертвого, который не может уже чувствовать этой заботы» [Хагожеева 2019: 171]. Привязанность их к родине до того была сильна в этом народе, что они нередко, забравшись в какое-нибудь заросшее темное ущелье, там и умирали от холода и голода с винтовкою в руке.

При всем высоком развитии индивидуального начала в поведении, личность воина-адыга обретала социально-значимый статус в зависимости от того, насколько общественно важным было его отношение к Родине. Адыг должен был быть настоящим патриотом, бесстрашным, готовым умереть за свою родину. С незапамятных времен, ставя защиту Родины превыше всего, матери-горянки в своих наказах напоминали сыновьям, что по древним законам горцев, самая высокая честь – это честь умереть за Родину. В случае трусости их ждало страшное материнское проклятие. «Пусть молоко мое станет ядом, если не сбережешь Родину», – говорила мать сыну, провожая на воину. Если бы воин между желанием остаться в живых, уклонившись от вражеского огня, или погибнуть, защищая Родину, дрогнул бы и выбрал жизнь, его постигла духовная смерть. Его бы отвергла мать, друзья, невеста. Это сторона черкесского менталитета была отражена М.Ю. Лермонтовым в поэме «Беглец» – Гарун, «бежавший в страхе с поля брани забывший свой долг и стыд», отвергнут и проклят другом, матерью и возлюбленной.

Чем яростнее разгорался дух мужской любви, тем тщательнее изживалось всякое чувство, ибо изощренно насмеялись над несчастным, который выказал тень еще не вытравленной любви. Любить было подобно смерти. Опасная страсть делала тело влюбленного податливым и мягким, лишала воли и силы. Такие воины становились первыми жертвами в бою. Поэтому, чем больше зрела в мужчинах неизбывная тоска по любви и теплу, тем дальше они уходили от дома, тем больше

согревало их оружие у изголовья жесткого, одинокого ложа. Чем больше они любили и привязывались к детям своим, тем больше отстранялись от них. Либо детей отдавали на воспитание аталыкам, потому что то была другая любовь, и попасть в них значило погубить себя и свою семью. «Не люби! Приказывала жизнь со всех сторон и во все времена, – сопротивляйся чувству изо всех сил, ибо в нем заключается смерть твоя» [Арма 2009: 226], – пишет автор.

Еще больше истреблялась любовь к себе. Малейшее проявление ее – и быстрее пули и штыка врага такого убило бы всеобщее презрение и насмешки. Чем больше разрасталось его сила и знание собственного величия, тем глубже оно погружалось на самое дно суровой души, ибо в молчании отражалось величие.

Н. Дубровин писал: «Храбрые по природе, привыкшие с детства бороться с опасностью черкесы в высшей степени пренебрегали самохвальством. О военных подвигах черкес никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным. Самые смелые джигиты отличались необыкновенной скромностью, говорили тихо, не хвастались своими подвигами...» [Бгажноков 1983: 97]. Весьма показательно в этом отношении предание о рыцаре Бзехинеко Бексирзе, потребовавшем выкинуть из героической песни, сложенной в его честь, «описание такого подвига, который унижал одного из его соперников» [Бгажноков 1983: 97]. Конечно, это всего лишь предание, но, бесспорно, такое, которое отражает специфику моральных качеств, ожидаемых от воина. Сдержанность во всем, что было связано с необходимостью защитить свою честь, была одной из их главных заповедей. Отсюда спокойствие и невозмутимость даже в экстремальных ситуациях, стойкое перенесение ударов судьбы. [Бгажноков 1983: 101].

Оружие никогда не вынималось из рук воина, словно приросло к нему. Сложить оружие, убоявшись смерти, считалось бесчестьем, а потому смерть всегда была предпочтительнее, чем сохранение жизни ценою утраты чести. Адыг жил по принципу «достойно жить или достойно умереть». Его этика и эстетика была построена на оппозициях: «жизнь-смерть», «слава-позор», «свобода-рабство», «героизм-трусость». Он постоянно находился в ситуации свободного выбора: мог выбрать жизнь, дрогнуть и отступить, но для него не было ничего позорнее трусости. Поэтому воины, решая эту экзистенциальную дилемму, без колебаний выбирали смерть, строили свое поведение в расчете на норму, которая принята в обществе. В этом контексте можно говорить о своеобразной «воле к смерти». Вместе с тем в этом акте самопожертвования обнаруживается самое высокое проявление «воли к жизни», которая оценивается только в свете героических деяний. Через небытие утверждается вся полнота бытия, его предельное состояние и высший смысл. Погибая, герой обретал бессмертие в славе бесстрашного воина. Пятно бесчестия не могла стереть даже смерть.

Благословенными были павшие в бою, ибо доблесть их была священным покрывалом, которая делала их тела нетленными. Один воин из рода Анзоровых был захоронен на поле битвы, но оправляя прах на землю отцов, извлекли тело через 40 дней, и увидели, что тлен не коснулся его. Ибо только погибшие в сражении были любимцами создателя.

Жить долго, вообще говоря, считалось неприлично. Предание гласит, что бесленевские князья Каноко любили повторять: «Дэ гьащІэу зыхуэдгъэувыжыр ильэс тІошІрэ тхурэщ». – «Мы планируем жить не более двадцати пяти лет» [Бгажноков 1983: 101]. С пятнадцати лет полагалось вести жизнь, полную опасных приключений, чтобы до двадцати пяти лет принять смерть, достойную воина. Небезынтересна в этом отношении история о женщине, которая, увидев дожившего до седин князя Хатакшоко Бачмырзу, насмешливо, с притворным удивлением молвила: «Пщы жьакІэ хужьт сыммыльгъужар». – «Седобородый князь, такого я еще не видывала» [Бгажноков 1983: 102], тем самым намекая на то, что, видимо, из-за недостатка мужества и предприимчивости князь прожил долго.

Жизнь неминуемо имела свое продолжение, свое следствие, растягивалась, имела длительность. Еще древние философы (Платон, Аристотель), диалектически взаимосвязывая героическое и трагическое, утверждали бессмертие героя, несущее в себе высокие общественные начала, ведь такая жизнь получала прекрасное завершение. В иерархии ценностей сословия благородных воинская слава занимала центральное место и являлась по существу эквивалентом бессмертия [Кажаров 2012: 37]. Дж. Лонгворт подметил, пожалуй, главное, а именно: стремление адыгских воинов к известности, к славе и самый верный путь к его достижению, проявленная на поле битвы храбрость. Неслучайно народная мудрость гласит: «АжалитІ щыщымыІэкІэ, а зы лІэгъуэм лЫгыгъ хэлъхъэ». – «Раз не бывает двух смертей, в единственную смерть вложи мужество»; «ЛПыхъужь и лЪэужь кІуэдыркъым». – «Память о славном воине вечная», «И цІэр, игъэхъахэр къонэж». – «След, память мужественного мужа не исчезает» [Хагажеева 2019: 171]. Именно поэтому они проникались презрением к любому страданию, так же, как к чувству, и умирали без стога.

Как было выше сказано, все тайное заключалось только в душе народа. «Каждый адыг верил сердцем своим лишь первозданной форме чистого смысла, безмолвно живущего внутри» [Арма 2009: 231]. Когда Тайное разрасталось, адыги выпускали душу на свободу, облекая ее словами-крыльями, и безымянная правда превращалась в стих, чувство – в песню, а непосильное горе – в гыбзэ. Поэтому больше всех любили и боялись джегуако; они были отмечены, ибо обладали силой самого создателя. Они могли сплетать воедино души людей и извлекать из него голос, облекая его слово. Одним словом своим он мог из труса сделать храбреца, защитника своего народа...». Черкес знал, что прославленный поэтом-импровизатором, он не умрет в потомстве, что слава его имени и дел переживет и самый гробовой гранит. Возможно, поэтому ценностные доминанты воина-адыга автор передает через образ джегуако.

В одном ауле погибли все молодые мужчины, остались лишь женщины, дети и старики. Среди них был великий джегуако, которому поставили условие: «Или он покажет, где прячутся воины, или не пощадят их женщин и детей». Он ввел их в заблуждение, повел их в горы, заведомо зная, что они никогда не выберутся. Зная, что он лучший танцор, враги приказали ему танцевать. Ему пристрелили руку, бедро, грудь, сердце. «Старик улыбался, продолжал танцевать, истекая кровью» [Арма 2009: 233]. Твердость духа джегуако была красноречивым ответом на условие врагов. Дина Арма возложила на джегуако ответственность за моральный дух всего народа, ибо по нему одному враг мог судить обо всех.

Таким образом, процесс переоценки ценностей, коснувшийся самых различных сторон жизнедеятельности современного человека в эпоху глобализации, привел к поиску новых аксиологических ориентиров. Поиски алгоритма сохранения этнической культуры, постижение основ национального самосознания и традиционного права становятся необходимыми условиями полноценного развития общества, его нравственного «исцеления».

Дина Арма неслучайно связала воедино эпоху глобализации и трагические страницы истории. Автор напоминает о смысле подлинной жизни, о том, что утрачено и что должно быть обретено вновь. Приобщение к истории открывает возможность проникнуть во внутренний мир адыгов периода Русско-Кавказской войны, восстановить в сознании их потомков связь времен и тем самым наметить перспективы обретения ими подлинной идентичности.

Список источников

- Арма 2009 – Арма Д. Дорога домой: роман. Нальчик: Эльбрус, 2009. 356 с.
Бгажноков 1983 – Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 228 с.

- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Кажаров 2012 – *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2012. 84 с.
- Кудаева 2008 – *Кудаева З.Ж.* Мифопоэтическая модель словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008. 296 с.
- Хагожеева 2019 – *Хагожеева Л.С.* Адыгская феодальная знать по материалам фольклора. Нальчик: Принт Центр, 2019. 268 с.
- Betuganova, Uzdenova, etc. 2019 – *Betuganova E.N., Uzdenova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M.* Problem of national identity and ways of its resolution in works of Adyghe and Karachay-Balkarian authors // *Journal of History, Culture and Art Research*. 2019. Vol. 8. № 2. P. 660–670.

References

- ARMA D. *Doroga domoj* [The road home]: novel. Nalchik: Elbrus, 2009. 356 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B. H. *Ocherki etnografii obshcheniya adygov* [Essays on the ethnography of the communication of the adygs]. Nalchik: Elbrus, 1983. 228 p. (In Russian)
- BROMLEJ YU V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnicity]. Moscow: Science, 1983. 412 p. (In Russian)
- KAZHAROV V. H. *Istoriografiya i istoricheskoe soznanie kabardincev vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v.* [Historiography and historical consciousness of the kabardians in the second half of the XX – early XXI century]. Nalchik: Publishing department of KVIHR, 2012. 84 p. (In Russian)
- KUDAEVA Z. ZH. *Mifopoeticheskaya model' slovesnoj kul'tury* [Mythopoetic model of verbal culture]. Nalchik: Elbrus, 2008. 296 p. (In Russian)
- HAGOZHEEVA L. S. *Adygskaya feodal'naya znat' po materialam fol'klora* [Adyghe feudal nobility based on folklore materials]. Nalchik: Print Center, 2019. 268 p. (In Russian)
- Betuganova E. N., Uzdenova F. T., Dodueva A. T., Khubolov S. M.* Problem of national identity and ways of its resolution in works of Adyghe and Karachay-Balkarian authors. IN: *Journal of History, Culture and Art Research*. 2019. Vol. 8. № 2. P. 660–670.

Информация об авторе

Е.Н. Бетуганова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

E.N. Betuganova – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Department of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 25.10.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.